
ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316.774

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-5-13

**ФЕНОМЕН И ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ:
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМ ПРИРОДЫ
И КУЛЬТУРЫ***Рыбин Владимир Александрович, Денискин Сергей Александрович**Челябинский государственный университет*

Концепт информации, выработанный к настоящему времени в рамках системно-кибернетического подхода на основе анализа и моделирования технических систем, уже не отвечает потребностям науки и общественной практики, поскольку феномен информации рассматривается в нем преимущественно в количественном аспекте, а соответствующее ему понятие информации страдает неопределенностью. История формирования сложившегося информационного концепта и особенностей его функционирования в современном научном дискурсе свидетельствует о том, что он выстроен по технологической мерке и обладает императивно-редукционистским характером. Это обусловлено сложившимся в истории положением человека в социуме, когда он действует и воспринимается не в качестве цели, а как орудие-средство социальных сообществ, что порождает абсолютизацию узкоинструментального подхода во всех аспектах человеческого отношения к миру и приводит к доминированию подобного мировоззрения как в научном дискурсе, так и в обыденном сознании. Исследование специфики функционирования информации в системах живой природы и культуры раскрывает многомерность феномена информации, создает основу для его более содержательного истолкования и позволяет в соответствии с тремя сферами человеческого существования (природной, технической и сугубо человеческой, связанной с общением) выделить и три формы информации — контекстную, бесконтекстную, сверхконтекстную. Определение информации в качестве потока сведений, определяющего характер взаимодействия агентов живых систем в зависимости от уровня развития их способности интерпретировать эти сведения, а также предложенная классификация создают прочную теоретическую основу решения актуальных современных проблем научного познания и социального развития, прежде всего связанных с человеком.

Ключевые слова: информация, система, жизнь, природа, культура, человек, субъект, инновация, развитие, информационное общество.

**THE PHENOMENON AND THE CONCEPT OF INFORMATION:
THE EXPERIENCE OF THE INTERPRETATION
OF THE EXAMPLE OF BIOLOGICAL AND CULTURAL SYSTEMS***Vladimir A. Rybin, Sergey A. Deniskin**Chelyabinsk State University*

The concept of the information generated to date according to the system-cybernetic approach, based on the analysis and modeling of technical systems, no longer meets modern requirements of science and social practice, because it understands phenomenon of information mainly in quantitative terms, while the corresponding concept of information suffers from uncertainty. History of a current information concept formation and its functioning in a modern science discourse shows that this concept was formed on technological criteria and has reductionist imperative character. The reason of it is historical place of human in society, when he acts and perceived by others as an instrument of social communities, but not as an aim. This leads to absolutization of instrumental approach in all the as-

pects of human attitude to the world and to the domination of such ideology both in science discourse and in everyday consciousness. Investigation of specific of information functioning in the systems of wildlife and culture shows multidimensionality of information phenomenon and provides a basis for more meaningful interpretation of it, allowing in accordance to three spheres of human existence (natural, technical, and purely human, related to communication) to allocate three forms of information — contextual, context-free, supercontext. The definition of information as the flow of data, which determines the character of interactions between agents of living systems in dependence from the development level of their ability to interpret these data and proposed classification provide good theoretical foundation for solving actual problems of scientific knowledge and social development related to human.

Keywords: information, system, life, nature, culture, people, subject, innovation, development of the information society.

Введение

Понятие информации уже более ста лет входит в широкий научный, общетеоретический и мировоззренческий обиход современной культуры, но за последнее время его значение еще более возросло. Этому способствовали научно-технологические и общесоциальные сдвиги конца XX – начала XXI в., нашедшие отражение в целой череде предсказывавших скорое наступление лучшего будущего социальных концепций, где «информация» выступает базисным понятием, — теории «электронной эры» (М. Мак-Люэн), «постиндустриального общества» (Д. Белл, Дж. Гэлбрэйт), «информационного общества» (М. Кастельс), «программируемого общества» (А. Турен), «общества знаний» (Э. Тоффлер). Но во втором десятилетии наступившего века при обострении кризисных тенденций технологический оптимизм такого рода уже не столь убедителен.

Тому есть целый ряд причин. Прежде всего, факторы инструментального порядка, на которые в первую очередь всегда делают ставку сторонники «информационного общества», порождают множество негативных эффектов: от формирования у современного человека «клипового», фрагментированного сознания до выработки столь изощренных технологий манипулирования массовым поведением людей, что это угрожает реальным воплощением самых мрачных антиутопий XX в. Становится ясно, что способность адекватно воспринимать информацию и продуктивно ее использовать не формируется у человека автоматически по ходу прогресса компьютерных технологий и внедрения их в повседневную практику, т.е. в процессе простого наращивания информационного ресурса и овладения элементарными прикладными навыками, необходимо ее целенаправленно формировать. А это требует и более глубокого понимания существующего до сих пор феномена информации. Между тем, как утверждается в авторитетных источниках, до сих пор отсутствует общепринятое определение информации [1, с. 120; 2, с. 142]. Поэтому начнем с определения самого понятия.

Сложности с понятием

Поскольку по проблеме информации есть множество первоисточников и анализировать все не имеет смысла (да это и невозможно), то к решению поставленной задачи целесообразно приступить путем сопоставления определений из обыденного сознания, науки и философии.

Если в повседневном значении *информация* — это совокупность сведений, данных, знаний о каких-либо процессах или событиях, воспринимаемых человеком или специальными устройствами [3, с. 248], и потому с бытовой точки зрения противопоставление «полезной» и «бесполезной», «достоверной» и «ложной» информации выглядит вполне допустимым [4, с. 237], то в научном дискурсе (например, в рамках вероятностного варианта математической теории информации, где информация связывается с получением снижающих неопределенность новых данных) указанное выше противопоставление, напротив, утрачивает смысл: «бесполезная» или «ложная» информация не уменьшает неопределенности и, следовательно, с этой точки зрения не является информацией.

Но и в самой науке нет единых взглядов на сущность информации. Так, в естествознании понятием «информация» обозначаются самые разные феномены — сведения о неизвестных объектах, результат выбора, уменьшаемую неопределенность, значение сигнала, содержание сообщения, меру сложности, меру организованности и т.д. В рамках математической теории информация характеризуется и по критерию новизны, и по критерию снижения неопределенности; между тем один критерий исключает другой: новые сведения порой как раз увеличивают неопределенность. В общем, наблюдается по меньшей мере разночтение. На недопустимость подобного положения указывалось и прежде: «Каждое такое определение, если оно применяется в сфере своего действия, верно отображает какую-то сторону или особенность информации. Но всякие попытки универсализации частного определения информации, пригодного для рассмотрения лишь одного из ее аспектов, приводят к ошибочным выводам» [5, с. 64]. Однако с тех пор

ситуация мало изменилась. Более того, в последнее время термином «информация» стали определять лишь электронные базы данных и их отдельные компоненты, в частности, результаты статистических исследований [6, с. 135], что на вполне «законных» основаниях позволяет рассматривать ее без соотнесения с человеком. В целом же понимание запутывается до такой степени, что не приходится удивляться, когда Мануэль Кастельс в своем фундаментальном труде «Информационная эпоха» в качестве исходного приводит простейшее определение: «Информация есть данные, которые были организованы и переданы» [7, с. 39].

Что касается философии, то в ней утвердился взгляд на информацию как на один из трех — наряду с материей (веществом) и энергией — компонентов бытия, который образован особой — информационной — формой взаимодействия, наряду с двумя другими формами — материальной и энергетической [8, с. 359]. Но вытекающее отсюда определение *информации как феномена надмасс-энергетического взаимодействия* не раскрывает её сути и потому нуждается в дальнейшей конкретизации.

Современный концепт информации

Для этого требуется хотя бы краткое изложение основных версий теории информации. Наиболее значимыми среди них являются *теории связи*, в рамках которых созданы вероятностные (количественные) методы ее измерения, и *кибернетические теории*, где информация рассматривается в аспекте задачи управления. К настоящему времени оба эти направления тесно переплелись, составив единый концепт информации, однако их разделение необходимо хотя бы по той причине, что первое носит прикладной характер, тогда как второе тяготеет к обобщениям мировоззренческого порядка.

В рамках классической теории связи количество информации было идентифицировано с величиной электрического потока, была выработана схема связи из шести компонентов (источник информации, передатчик, линия связи, приемник, адресат и источник помех), а математическая формула для термодинамического вычисления энтропии стала использоваться с целью подсчета количества информации. Информация была приравнена к негэнтропии, а утверждение «количество переданной информации определяется величиной снижения энтропии в принимающей системе» превратилось в аксиому.

Между тем достоверность этой аксиомы проблематична, ибо при более пристальном рассмотрении выясняется, что «информация отнюдь не служит двойником энтропии, даже будучи взятой с обратным знаком» [9, с. 165], хотя бы потому, что

распад системы, сопровождаемый увеличением энтропии, происходит сам собой, а наращивание организованности, сопряженное со снижением энтропии, требует усилий: «Самоорганизация, негэнтропийный процесс — это не энтропия наоборот, это качественно другое явление» [10].

Согласно кибернетической теории Норберта Винера и его последователей, опосредствованные информацией процессы в технических, биологических и социальных системах протекают по одной и той же схеме, т.е. являются изоморфными, взаимоподобляемыми. Отрицать подобный изоморфизм невозможно, весь вопрос лишь в том, каким образом его рассматривать — в качестве основы взаимного отождествления или, наоборот, различения?

Техническое и биологическое

Чтобы ответить на этот вопрос, сопоставим технические и биологические системы, используя трехкомпонентную, упрощенную по сравнению с исходной схему: передатчик, приемник, канал связи. В первом приближении какой-либо разницы между самыми разными системами при этом не обнаруживается: от передатчика к приемнику повсюду передается совокупность организованных по определенным правилам сигналов, которые на стороне приемника интерпретируются. Однако на этом общность технических и биологических систем заканчивается.

В технических системах приемник подвергает сообщение интерпретации на основе заранее принятых соглашений алгоритмического, *контекстно-независимого* характера [10]. Ее правила здесь исходно заданы, будучи сужены до «полосы» взаимно согласованных параметров, а «неприём» попросту невозможен (иначе не может идти речи об исправности системы). Принципиально иная ситуация в живых системах, где принимаемое сообщение всегда выступает как *контекстно-зависимое* [10]. Это значит, что прием сообщения предполагает вариативность интерпретации, включая возможность неожиданного изменения правил приема или даже «неприём», когда реакция организма может отсутствовать. Что и поясняет автор теории «биологических полей» А.С. Гурвич: «Нет никаких оснований предполагать, что содержание реакций живых систем на любое воздействие является функцией исключительно от него. Все говорит скорее об обратном» [11, с. 52].

Иными словами, живые организмы обладают *субъектностью* — способностью не просто реагировать на внешнее воздействие, но действовать при этом принципиально по-новому, непредсказуемым образом. Они содержат в себе некий набор реализуемых в ответ на воздействие неожиданных, «невероятных» вариантов поведения, количественное

и качественное ограничение которых до «полосы» приемлемого уровня как раз и является главной задачей как при одомашнивании и дрессировке животных, так и в процессе социализации человека.

Между тем в кибернетическом концепте информации подобная *субъектность* как раз не предполагается, здесь вопрос о каком-либо пересмотре заданной программы заранее снят. Даже когда Винер заявляет о возможности создать мыслящую машину, которая «способна менять общий метод и форму выполнения задач» [12, с. 60], на самом деле никакого изменения не подразумевается: «Говоря языком счетно-аналитической техники, индивидуальность разума заключается в <...> постоянном совершенствовании по уже *запланированным линиям*» (курсив наш. — В.Р., С.Д.) [12, с. 93]. Подобная автономность от контекста, или *бесконтекстность* является идеалом для техники (ибо в неизменности заданных параметров как раз и заключается ее назначение и эффективность), но ни сам человек, ни животные не укладываются в эту схему (ибо их специфицирует как раз способность менять образ действий — «перестраивать программу»). Отсюда остается сделать вывод, что трактовка информации, соответствующая кибернетическому подходу, не учитывает специфики живых систем и потому является по меньшей мере неполной.

Информация в живых системах

Перейдем к рассмотрению того, каким именно образом информация работает — в чем сегодня нет сомнений [13, с. 193; 14, с. 120] — на уровне живой природы.

Живые системы живут и действуют согласно «принципу устойчивого неравновесия», открытому в 30-е г. XX в. Эрвином Бауэром [15, с. 143]. Эта способность, как убедительно доказывает Бауэр в своем труде «Теоретическая биология», базируется на том, что живые виды, поглощая и накапливая энергию и вещество, не просто переводят их в некую непосредственно наблюдаемую форму деятельности — в «работу», но производят еще и «свободную энергию структуры» [15, с. 159], которая распределяется по двум потокам: как вовне — на вовлечение в сферу своей жизнедеятельности новых порций энергии и вещества, так и вовнутрь — на самообновление, перестройку организменного состава; «работа» — лишь подобие возвышающейся над водой вершины айсберга.

С этой точки зрения сами живые образования (популяции и особи) представляют собой сгустки вещества и энергии, выживающие за счет улавливания тех массэнергетических потоков, которые они могут поглотить, и уклонения от тех, которые могут поглотить их, а присущая им *субъектность* выступает как способность к «отклонению», т.е. к

«задержке» немедленного проявления активности и в пространственном, и в темпоральном аспектах («не сразу» — «не здесь» и «не сейчас»). Это и составляет их отличие от неживой природы, системам которой также присуща подвижность, но без «отклонения» и «задержки».

В основе этой способности — более сложная организация живого по сравнению с неживым, причем не столько на микроуровне (где процессы в обоих случаях носят физико-химический характер), сколько на макроуровне, где действуют живые особи. При этом то, что во *внешнем* по отношению к популяции аспекте реализуется как способность отклонения по поводу вещества и энергии, во *внутреннем* аспекте представляет собой результат способности особей перегруппировываться. *Но для того чтобы эта перегруппировка была успешной, т.е. завершилась бы выживанием с поглощением энергии и вещества, внутреннее взаимодействие должно быть более интенсивным, чем внешнее!* Иными словами, необходима инстанция более высокого порядка, нежели простая способность к действию. Это и есть информация!

Информация таким образом формируется как принципиально новая — *надмассэнергетическая* — форма опосредствования отношений между живыми особями во внутреннем (внутрипопуляционном) пространстве по поводу внешних — *массэнергетических* — взаимодействий популяции со средой. Что касается неживой природы, то в ней нет активного улавливания энергии и вещества, нет «задержки», нет перегруппировки особей при «отклоняющемся» движении популяционного сообщества, нет опосредствующего их взаимодействие начала. Стало быть, нет и информации.

Информация в системах культуры

Системы культуры формируются на основе живой природы и сами в определенном отношении могут рассматриваться как живые, но информация работает в них по-иному.

Культуру создает человек. При этом он остается одним из биологических видов: как и животные, он является живой особью, включенной в популяцию (в человеческий род); как и животные, он погружен в природный контекст и вынужден бороться за ресурсы существования (вещество и энергию); как и животные, он использует орудия труда, правда, не естественные, а искусственные. И если следовать логике принадлежащего Б. Франклину определения, что человек — это «животное, делающее орудия» [16, с. 191] (которое Маркс, намекая на ограниченность подобного подхода [16, с. 339], иронически цитирует в первом томе «Капитала»), то создается впечатление, что орудийно-технические приспособления людей точно так же служат их су-

ществованию, как специализированные органы животных служат выживанию биологических видов.

Между тем это не более чем видимость, хотя бы по той причине, что прогресс в орудиях труда совершается у людей в пределах одного вида и носит неуклонно поступательный характер, тогда как у животных формирование более совершенных органов означает возникновение другого, по-новому специализированного вида, осваивающего собственный видовой контекст и одновременно «замыкающегося» в его границах. Жизнеобеспечивающий же контекст у человека не остается неизменным, а постоянно сдвигается некоей силой, которая *стоит за* орудийной стороной человеческого существования, *но не сводится к ней*, ибо если бы это было так, то технический прогресс, решив проблему жизнеобеспечения (а он всегда так или иначе ее решает, о чем свидетельствует сам факт выживания человечества), остановился бы на достигнутом уровне.

Следовательно, в пределах культуры, во внутреннем пространстве межчеловеческого взаимодействия *должна сформироваться новая, тоже внутренняя, но более интенсивно функционирующая информационная инстанция, отделенная и от «контекстуальных» задач жизнеобеспечения по усвоению вещества и энергии, и от «бесконтекстных» средств — орудий труда, посредством которых эти задачи решаются.* Эта инстанция — сфера общения, где возникает новая форма информационного опосредствования.

Итак, если *субъектность* есть общее свойство живого, то на уровне культуры оно даже не удваивается, а утраивается, будучи опосредствовано соответствующими видами информации: *бесконтекстная* информация поставлена на службу орудийной деятельности, нацеленной людьми вовне, в природу; *контекстная* обслуживает их базисные биологические потребности; *сверхконтекстная* обращена вовнутрь сообщества людей и носит сугубо человеческий, уникально антропологический характер.

Определение информации, ее формы и носители

Как результат выстраивается следующая классификационная сетка:

1. *Бесконтекстная информация* технического типа.
2. *Контекстная информация* биологического типа.
3. *Сверхконтекстная информация* антропологического типа.

Отсюда вытекает следующее определение: *информация — это поток сведений, опосредствующий взаимодействие агентов живых систем в соответствии со степенью развития их способности осуществлять интерпретацию этих сведений.*

Носителем *бесконтекстной* информации являются *сигналы*; их специфика наиболее проявляется на уровне достаточно сложных феноменов неживой *искусственной* природы — автоматов, когда сигналы — потоки вещества и энергии, сведенные к заданным параметрам, — осуществляют дозированное воздействие одной технической системы на другую (например, в виде изменения светового потока, запускающего систему оповещения). Носителем *контекстной* информации являются *знаки* — сигналы особого рода, специфика которых состоит в том, что они требуют интерпретации и возникают на уровне живой природы. На уровне культуры в составе знаков выделяется *смысл* — носитель *сверхконтекстной* информации, которая определяет человеческого индивида как существо, не только соотносимое с потребностями той или иной социальной группы, но и обладающее уникальной — личностной — ценностью.

Что касается неживой *естественной* природы, то там осуществляется прямой массэнергетический обмен, не имеющий сигнального характера. *Сигналы* есть только в живой природе и в культуре, но если в природе они не требуют расшифровки, действуя на животных рефлекторно, то при взаимодействии людей они выступают в качестве *одного из видов знаков — условных*, т.е. требующих расшифровки и предполагающих однозначное прочтение: «Сигналы обладают означаемым, но они не способны дать новую семиотическую конструкцию» [8, с. 298]. Весьма доступно сказано об этом у В.В. Маяковского в поэме «Хорошо!»:

«...бабахнула
шестидюймовка Авророва.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна, —
над Петропавловкой
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак»
(курсив наш. — В.Р., С.Д.).

Все три вида информации существуют в культуре, но реализуются в разных ситуациях. *Бесконтекстная информация* обращена к человеку как исполнителю жестко заданной функции, когда он поставлен в положение «говорящего орудия», направляемого *сигналами*, например, в виде приказа. *Контекстная информация*, выражаемая *знаками*, обращена к человеку как исполнителю конкретной специализированной функции в составе

социума. *Сверхконтекстная информация*, воплощаемая в *смыслах*, обращена к человеку как субъекту культуры и задействуется им при проявлении творческой активности — в процессе создания нового, в момент постижения смысла бытия, при восприятии произведений искусства и пр.

Антропологический аспект кибернетики

Но в современном информационном концепте человек представлен лишь единственным измерением — *бесконтекстным*.

По причине этой одномерности кибернетика «не берет» человека: она интерпретирует его инструментально — так, как это либо *всегда должно происходить* в исправных технических системах, функционирующих на основе *бесконтекстной* информации, либо так, как это *иногда происходит* в системах живой природы и культуры, если составляющие их особи поставлены в условия, которые предписывают им «запрограммированный» образ действий.

Поэтому главный недостаток кибернетической теории состоит отнюдь не в том, что как якобы «реакционная лженаука» она «рассматривает психофизиологические и социальные явления по аналогии с электронными машинами и приборами» [17, с. 237]; напротив, именно в этом и состоит ее ценность, ибо данная аналогия позволяет сначала понять, что же именно «технического» есть в системах природы и культуры, а потом от моделировать это «техническое» в виде автоматических устройств и тем самым разгрузить человека для более достойной его — творческой — формы активности. Ограниченность кибернетического подхода заключается в том, что объективно существующий изоморфизм систем техники, природы и культуры фиксируется на языке *исключительно бесконтекстной* информации и потому блокирует какие-либо «внетехнические» подходы к постижению и живой природы, и человека, принуждая рассматривать все проявления их жизнедеятельности по модели, соответствующей достигнутому уровню научных знаний и инженерного искусства, вплоть до нынешнего отождествления мыслительной способности человека с операциональными возможностями компьютера последнего образца.

Вообще на протяжении всей предшествовавшей истории инновационно-творческая — опосредствуемая *сверхконтекстной* информацией — активность человека оставалась вне сферы систематической рефлексии и по этой причине либо прорастала стихийными, малопонятными всплесками «интуиции», «талантливости», «гениальности», либо вообще расценивалась как помеха, нарушающая исправное функционирование социальных систем и потому подлежащая искоренению. Во все эпохи и

при всех порядках человек сводился к исполнению конкретной специализированной функции в различных ее воплощениях: «говорящее орудие», «рабочий», «человеческий фактор», «креативный специалист», «агент действия», «актор коммуникации» и т.д. И хотя подобное положение вызывало нараставшее по ходу истории неприятие (выразившееся в знаменитом положении Канта, что человек является целью, а не средством), потребности социальной практики неизменно заставляли редуцировать человека к орудью, деятельность которого направляется *бесконтекстной* или *контекстной* формой информации. Подобная установка явно или косвенно была заложена и во все претендовавшие на научное постижение его сущности программы — от рефлекторной теории Декарта и моделей Кабаниса и Ламетри до естественно-научной психологии XIX в., рефлексологических штудий первой половины XX в., проектов по созданию искусственного интеллекта и электронного мозга во второй его половине и вплоть до новейшей нейронауки XXI в.

В кибернетике же данная редукционистская установка лишь проявилась исчерпывающим образом, хотя сами разработки в области кибернетики и теории информации содержали предпосылки для принципиально иных возможностей.

Плоды кибернетического подхода

Однако в середине XX в., на пике научно-технической революции осознать данное обстоятельство было сложно. Тем более затруднительно было помыслить о какой-либо серьезной оппозиции кибернетическому концепту, прочно утвердившемуся и по «ту сторону» тогдашнего «железного занавеса» (где кибернетика возникла), и по «эту» (где поначалу гремели грозные критические голоса в ее адрес, но усиленной государственной поддержкой пользовались именно те направления, в которых явственно доминировала кибернетическая составляющая: достаточно назвать математическую школу А.Н. Колмогорова или физиологическую школу П.К. Анохина).

Более того, установка трактовать информацию «обобщенно, в отвлечении от конкретной физической природы (курсив наш. — В.Р., С.Д.) рассматриваемых систем» [18, с. 166] обрела в Советском Союзе статус идеологической доктрины, когда «всё сущее было признано кодированной информацией» [19, с. 222]. Вот пример из одного учебника по марксистско-ленинской диалектике: «С точки зрения процессуальной формы информацией являются и процессы, опосредствующие отношение системы управления к окружающему миру, и процессы, совершающиеся внутри самоуправляющейся системы, и результат взаимодействия как образы объек-

тов внешнего мира. Информация тем самым раскрывается и как отношение системы самоуправления с внешним миром, и как определенное отражение, моделирующее внешнее явление в системе действий, а также во внутренних процессах, например, в нейродинамических моделях мозга, и как актуально значимое знание» [20, с. 32]. Цитированный отрывок принадлежит Д.И. Дубровскому, одному из участников знаменитой философской дискуссии «Дубровский – Ильенков», в 60-е гг. XX в. выступавшему в качестве ярого адепта кибернетики, а ныне активно продвигающему идеи трансгуманизма.

Конечно, достижения того периода не исчерпались подобными пассажами, но при утвердившихся односторонних взглядах на информацию какое-либо качественное различие природных, культуральных и технических систем действительно представлялось несущественным, а отождествление живого и неживого, естественного и искусственного, человеческого и технического, напротив, выглядело вполне обоснованным и допустимым. Даже неортодоксально мысливший В.В. Налимов писал: «Некоторые авторы считают, что любая функционирующая система, способная получать и использовать информацию, идущую от среды или вносить ее в среду, может быть квалифицирована как обладающая сознанием. Такое расширенное представление о сознании приведет к тому, что придется говорить о сознании как о феномене, который еще может и не обладать смыслами. Мне кажется, что в этом случае лучше пользоваться термином “квазисознание”...» [21, с. 87–88].

Об этой же редукционистской тенденции говорил в ту пору и М. Хайдеггер, который в абсолютизации информационно-кибернетического подхода усматривал опасность узкоинструментального, манипулятивного отношения к миру. Относительно одной публикации по молекулярной биологии, в которой абсолютизация *бесконтекстной* формы информации выражалась особенно отчетливо, он высказался в недвусмысленно критическом духе, хотя и на своем специфичном философском языке: «Статья с её ясным независимым изложением, и в самом деле, показательна странным отождествлением чисто химических процессов и событий языкового сообщения. В качестве того, что определяет тождественность, выделена информация. В соизмерении с ней присущее казанию раскрывающее сообщение умалывается до простой очерёдности вызывающих друг друга процессов и, одновременно, течение химических процессов завьшается по своему статусу до сообщений. И это умаление, и это завьшение предполагают, что во внимание не принимается специфический характер предметной сферы (материально-энергетические процессы и языковое

событие), — не принимается по причине взгляда на информацию, *который всё другое исключает*. Таковая отличается отношением взаимных регуляций. Последние, в свою очередь, являются единственным, что принимается во внимание в проекте, чтобы таким образом *обеспечить сплошную управляемость всем*» (курсив наш. — В.Р., С.Д.) [22, с. 365–366]. Но к его предостережениям не отнеслись тогда серьезно ни на «буржуазном Западе», где Хайдеггера относили к «метафизикам», «консерваторам», а порой и к «сторонникам нацизма», ни в странах «реального социализма», где Хайдеггер проходил по ведомству «реакционных теоретиков» и «противников общественного прогресса».

В социальной сфере кибернетический концепт информации оформился в виде «менеджеризма», согласно которому управлять людьми можно точно так же, как вещами и составными частями механизма, причем, чем больше можно уподобить людей бессловесным роботам-автоматам, тем лучше. Поэтому, несмотря на бравые заявления, что «прямым следствием интенсификации информационных процессов является ускоренное развитие человеческого потенциала, повышение уровня образованности и информированности людей и через это — формирование все расширяющегося социально, политически и экономически активного слоя населения» [23, с. 324], на практике все усилия по созданию лишнего социальных антагонизмов «информационного общества» свелись к мероприятиям сугубо технического свойства — к совершенствованию средств производства, накопления и трансляции *бесконтекстной* информации, оформленной в виде математизированных концептов и представленной как «информационный ресурс», «банк данных», «супер-символическая система общественного богатства» (Э. Тоффлер) и т.д. Человек как творец — а не как робот — оказался в стороне.

Заключение

И все же можно отметить и результаты позитивного свойства. Если лет десять назад ставка на сугубо технологическую сторону в деле формирования оптимально устроенного социума еще могла вызывать некоторое доверие, то сегодня, во втором десятилетии XX в., на фоне невиданно острых кризисных тенденций, обозначившихся буквально во всех сферах современного общечеловеческого общества, не приходится более сомневаться, что процесс простого наращивания «информационного ресурса» по классической кибернетической модели в рамках одномерного представления о феномене информации не только не способствует дестандартизации, демассификации, дебиюкратизации (в чем убеждали и продолжают убеждать общество апологеты «технотронной эры»), но, напротив, не-

виданно усугубляет социальную заформализованность и бюрократизм, порождает опасную некомпетентность, плодит безответственность и в конечном счете делает современный социум все менее управляемым. В то же время эти негативные тенденции свидетельствуют о том, что прежнее механистическое и редукционистское миропонимание равно как и сугубо инструментальное использование человека уже полностью перестают соответствовать достигнутому уровню развития культуры, качеству научного знания и сложности всей общественной жизни. Вместе с этим ограниченность прежних трактовок феномена информации становится весьма наглядной, а потребность в их пересмотре — крайне актуальной. Опыт подобной теоретической корректировки понятия информации на примере систем живой природы и культуры и был предпринят в данной работе.

Список литературы

1. *Краткий философский словарь* / под ред. д.ф.н. А.П. Алексеева. М.: Проспект, 1997. 400 с.
2. *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* М.: Мысль, 2010. Т. 2. 634 с.
3. *Современный толковый словарь русского языка* / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 960 с.
4. *Русский ассоциативный словарь: в 2 т.* М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1. 784 с.
5. *Украинцев Б.С.* Самоуправляемые системы и причинность. М.: Мысль, 1972. 284 с.
6. *Брокгауз Ф.* Философия: Концепции, мыслители, понятия: пер. с нем. СПб.: Амфора: РХГА, 2010. 423 с.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. *Современный философский словарь* / под ред. проф. В.Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт н/М; Париж; Люксембург; Москва; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.
9. *Силин А.А.* Живое в концепциях информационных отображений // *Биофилософия* / отв. ред. А.Т. Шаталов. М.: ИФРАН, 1997. 264 с.
10. *Лачинов В.М., Поляков А.О.* Информодинамика или Путь к Миру открытых систем. СПб.: Изд. СПбГТУ, 1999. 431 с.
11. *Гурвич А.Г.* Принципы аналитической биологии и теория клеточных полей. М.: Наука, 1991. 288 с.
12. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М.: Тайдекс, 2002. 278 с.
13. *Философский энциклопедический словарь.* 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
14. *Человек.* Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. 516 с.
15. *Бауэр Э.С.* Теоретическая биология. СПб.: Росток, 2002. 352 с.
16. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
17. *Краткий философский словарь* / под ред. М. Розенталя, П. Юдина. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. 704 с.
18. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. М.: Политиздат, 1986. 560 с.
19. *Кутырев В.А.* Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009. 264 с.
20. *Алексеев А.А., Коршунов А.М.* Диалектика процесса познания. М.: Изд-во МГУ, 1985. 367 с.
21. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. 2-е изд. СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
22. *Хайдеггер М.* Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
23. *Всемирная энциклопедия: Философия.* / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2002. 976 с.

Получено 22.12.2016

References

1. *Kratkiy filosofskiy slovar' / pod red. A.P. Alekseeva* [Brief Philosophical Dictionary / ed. by A.P. Alekseev]. Moscow, Prospekt Publ., 1997, 400 p. (In Russian).
2. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 2, 634 p. (In Russian).
3. *Sovremenniy tolkoviy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S.A. Kuznetsov* [Modern Dictionary of Russian language / ed. by S.A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2004, 960 p. (In Russian).
4. *Russkiy assotsiativniy slovar': v 2 t.* [Russian associative dictionary: in 2 vol.]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2002, vol. 1, 784 p. (In Russian).
5. *Ukrainsev B.S. Samoupravlyaemye sistemy i prichinnost'* [Self-managing system and causality]. Moscow, Mysl' Publ., 1972, 284 p. (In Russian).
6. *Brockhaus F. Filosofiya: Kontseptsii, mysliteli, ponyatiya* [Philosophy: Ideas, Thinkers and Concepts]. Saint Petersburg, Amfora: RHGA Publ., 2010, 423 p. (In Russian).
7. *Kastels M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, HSE Publ., 2009, 608 p. (In Russian).
8. *Sovremenniy filosofskiy slovar' / pod red. prof. V.E. Kemerova* [Modern philosophical dictionary / ed. by V.E. Kemerov]. London, Frankfurt am Main, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk, Panprint Publ., 1998, 1064 p. (In Russian).
9. *Silin A.A.* [Living in the concepts of information maps]. *Biofilosofiya* [Biophilosophy]. Moscow, IPh RAS Publ., 1997, 264 p. (In Russian).
10. *Lachinov V.M., Polyakov A.O. Informodinamika ili Put' k Miru otkrytykh sistem* [Information Dynamics or the path to the world of open systems]. Saint Petersburg, SPbSTU Publ., 1999, 431 p. (In Russian).

11. Gurvich A.G. *Printsipy analiticheskoy biologii i teoriiya kletochnykh poley* [Principles of analytical biology and cell fields theory]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 288 p. (In Russian).
12. Viner N. *Kibernetika i obschestvo* [Cybernetics and Society]. Moscow, Taydeks Publ., 2002, 278 p. (In Russian).
13. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soetskaya encyclopedia Publ., 1989, 815 p. (In Russian).
14. *Chelovek. Filosofsko-entsiklopedicheskiy slovar'* [Human. Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 516 p. (In Russian).
15. Bauer E.S. *Teoreticheskaya biologiya* [Theoretical biology]. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2002, 352 p. (In Russian).
16. Marx K. [Capital]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960, vol. 23, 908 p. (In Russian).
17. *Kratkiy filosofskiy slovar' / pod red. M. Rozentalya, P. Yudin* [Brief Philosophical Dictionary / ed. by M. Rosental, P. Yudin]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954, 704 p. (In Russian).
18. *Filosofskiy slovar' / pod red. I.T. Frolova* [Philosophical Dictionary / ed. by I.T. Frolov]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 560 p. (In Russian).
19. Kutyrev V.A. *Chelovecheskoe i inoe: borba mirov* [Human and other: war of the worlds], Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2009, 264 p. (In Russian).
20. Alekseev M., Korshunov A. *Dialektika protsessa poznaniya* [Dialectics of the cognitive process]. Moscow, MSU Publ., 1985, 367 p. (In Russian).
21. Nalimov V.V. *V poiskakh inykh smyslov.* [Looking for other meanings]. Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013, 464 p. (In Russian).
22. Heidegger M. *Tsollikonovskie seminary* [Zollikon Seminars]. Vilnius, ESU Publ., 2012, 406 p. (In Russian).
23. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya / gl. nauch. red. i sost. A.A. Gritsanov* [The World Encyclopedia of Philosophy / scient. ed. and comp. A.A. Gritsanov]. Moscow, AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., 2002, 976 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 22.12.2016

Об авторах

Рыбин Владимир Александрович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: wlad@csu.ru
ORCID: 0000-0002-3343-1048

Денискин Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: argon01@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7384-3709

About the authors

Rybin Vladimir Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers str., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: wlad@csu.ru
ORCID: 0000-0002-3343-1048

Deniskin Sergey Alexandrovich

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers str., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: argon01@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7384-3709

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рыбин В.А., Денискин С.А. Феномен и понятие информации: опыт интерпретации на примере систем природы и культуры // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 5–13.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-5-13

Please cite this article in English as:

Rybin V.A., Deniskin S.A. The phenomenon and the concept of information: the experience of the interpretation of the example of biological and cultural systems // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1. P. 5–13. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-5-13